

№74 Праведница

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Иаков праведный

Нынешнее воскресенье посвящено дню памяти апостола Иакова, брата Господня, Братом Христа он назван потому, что был сыном Иосифа – обручника Марии, Матери Иисуса.

Иаков не входил в число 12-ти учеников Христо-вых, но позже принял апостольское служение и стал настоящим образцом древнего отеческого благочестия. Он стал апостолом Иерусалима.

Как Вы знаете, первые христиане были не совсем одинаковы. Они очень сильно отличались по происхождению, так сказать. Иудеи, которые принимали христианство, сохраняли все иудейские традиции и порядки. Они обязательно обрезывались, совершали ритуальные омовения, избегали осквернений определенными видами пищи и прикосновением к ритуально нечистым вещам, исполняли все предписания иудаизма.

А среди христиан из язычников всего этого не было. Они в обрядовом отношении были людьми достаточно свободными. И вот эта разница взглядов и образа жизни христиан для первых десятилетий существования Церкви была проблемой.

Но эта напряженность между иудеохристианами и языкохристианами могла быть намного острее и трагичнее, если бы не такие сверхличности, как апостол Петр, Павел и Иаков, память которого мы сегодня празднуем.

Иакова считали, чуть ли не тринадцатым апостолом, которому Христос открыл некие тайны, наравне с апостолом Петром и сыновьями Заведеевыми. Брата Господня называли Цадиком - Праведным, и Облиаком - оплотом народа. Уже при жизни он стал легендарным. Говорили, что этот почтенный старец — живое олицетворение Закона, ради которого созданы небо и земля. Он был назореем, посвященным Богу от рождения: не пил вина, не стриг волос, воздерживался от мяса. Когда Иаков проходил по улицам, его приветствовали, как первосвященника; он якобы и одевался, как архиерей - в льняной эфод - и имел право входить во Свята Святых. Такого человека фарисеи не могли ни в чем упрекнуть. Он поистине «превзошел их в праведности» (Мф. 5:20). Его строгое соблюдение Торы было в глазах ревнителей серьезным аргументом в пользу христиан.

Следуя примеру Иакова Праведного, христиане, сплотившиеся вокруг него, по-прежнему называли дома своих молитвенных собраний синагогами, как и раньше, они пунктуально выполняли все обряды иудаизма, хранили субботу и ограничивались лишь дозволенной Законом пищей. Как и в первые дни, они рассчитывали на скорое обращение всего народа, который из грешного Израиля должен будет превратиться в «Израиль Божий».

Огромным преимуществом церкви св. Иакова было то, что она хранила подлинные предания о евангельских событиях. В этой среде хорошо помнили притчи и изречения Иисуса; именно отсюда выйдут в мир первые рассказы и записи, которые составят основу Евангелий.

И, тем не менее, приверженность к обрядовому благочестию невольно отдаляла церковь св. Иакова от духа Христовой свободы. Можно сказать, что сохранив бесценное евангельское богатство, она куда меньше проникла в его сущность, чем общины, основанные апостолом Павлом. Как Вы помните, Павел большую часть своих миссионерских трудов направил на христианизацию язычников. Жители Иерусалима слишком дорожили культовой оболочкой ветхозаветной веры, формой, в которой крылась опасность застоя.

Пребывая в должности Иерусалимского епископа около 30 лет, Иаков распространил и утвердил святую веру в Иерусалиме и во всей Палестине. Когда апостол Павел в последнее свое путешествие посетил апостола Иакова, в доме которого в тот день были собраны пресвитеры – они говорили: «Видишь, брат наш Павел, сколько тысяч уверовавших иудеев, а все они - ревнители закона!» (Деян. 21, 20). Действительно, очень многие из евреев обращались к Церкви, доверяя словам праведника.

Видя такое влияние апостола, лидеры иудаизма стали опасаться, как бы весь народ не обратился ко Христу, и решили воспользоваться промежуточным временем между отъездом прокуратора Феста и прибытием на его место Альбина – это 62 г. после Р.Х., для того, чтобы или склонить Иакова к отречению от Христа, или умертвить его.

Первосвященником в это время был безбожный саддукей Анан. При большом стечении народа Иакова ввели на портик храма, и после нескольких льстивых слов пренебрежительно спросили: «Скажи нам о Распятом?» — «Вы спрашиваете меня об Иисусе? — громко сказал праведник. — Он сидит на Небесах одесную Всевышней силы и снова придет на облаках небесных». В толпе оказалось много христиан, которые радостно воскликнули: «Осанна Сыну Давидову!» Первосвященники же и книжники закричали: «О, и сам праведник в заблуждении!» и сбросили его на землю. Иаков мог еще подняться на колени и сказать: «Господи, прости их! Они не ведают, что творят». «Побьем его камнями», — закричали его ненавистники. Один из священников начал уговаривать их: «Что вы делаете? Видите, праведник за вас молится». Но в эту минуту один изувер, суконщик, ударил Иакова вальком по голове, и этот удар оказался смертельным.

Смерть праведника оказалась трагедией не только для христиан, но и для иудеев. Убийство Иакова даже многими противниками христианства воспринималось как тяжкое преступление. Так, например, иудейский историк Иосиф Флавий, перечисляя причины падения Иерусалима, говорит, что Господь наказал жителей этого города, в том числе, и за убиение праведного Иакова.

Незадолго до своей смерти Иаков пишет свое соборное послание. Главная цель послания — утешить и укрепить обращенных к вере иудеев в страданиях, которые им предстояли.

Апостолу Иакову так же приписывается составление древнейшего чина Божественной литургии.

Сколько стоит билет в Царство Небесное?

У каждого человека есть свои слабости, склонности, тенденции к чему-то плохому. Все мы человеки-люди несовершенны, склонны ко греху и погрязности. Но если мы не замыкаемся на самих себя и находимся в нормальном коллективе, это нас сдерживает и дисциплинирует, не даёт нашим порокам разрастаться. И это не означает, что я, дескать, хуже всех, а все остальные - мои коллеги, друзья, родные гораздо лучше меня и они меня, грешного, сдерживают своей праведностью. Нет, конечно – у каждого свои «сдвиги», каждый по-своему сходит с ума и падает в свою яму. Здесь играет роль связка. Мы друг друга удерживаем тем, что у одного из нас тенденция свалиться в обрыв, который справа, а другого тянет в пропасть слева. И если мы друг ко другу привязаны, то, падая в разные стороны, мы, таким образом, удерживаем и спасаем друг друга.

Христиане Западной Церкви изначально были склонны воспринимать все свои взаимоотношения с Богом в торгово-правовой плоскости: ты – мне, я – тебе. Я тебе даю деньги, ты мне - товар. Я творю добрые дела на земле, а Бог за это обеспечивает мне райскую жизнь за гробом. Мы подчеркивали с Вами в прошлый раз то, что как ориентир в жизни такие представления годятся, если, конечно, не возводятся в непреложную истину - не догматизируются. Как образ – почему бы и нет? Как, такое, рабочее мировоззрение – потянет.

И до разделения Церкви на Восточную и Западную, такие торгово-юридические представления у Западных христиан были популярны. И страшного в этом ничего не было, потому, что Запад был един с Востоком – это было одно поле, одно пространство. И Восток не давал Западу удариться в крайность, потому что восточное представление о спасении было совсем иным. Ну, под словом «спасение», здесь мы имеем ввиду – избавление от посмертных мук ада и вхождение в блаженство Царства Божия. На Востоке изначально был совершенно иной подход к вопросу о Жизни Вечной, об этом - чуть позже.

Почему именно на Западе было тяготение к экстраполяции земных торгово-правовых отношений на взаимоотношения человека с Богом?

Мы уже говорили с вами о том, что Древний Рим всегда считался выразителем правового начала в жизни. До сих пор будущие юристы изучают римское право. Рим – это «Мекка» гражданских прав. Именно в Риме была, как нигде, разработана правовая основа личной, семейной, общественной и государственной жизни.

Ну, очевидно, вы знаете, как вообще возникает понятие права. По большому счету, все права – это договоренность между собою людей.

Например, когда человек нуждается в поддержке, он договаривается с другими о взаимной помощи. Согласившись принимают на себя взаимные обязательства. Ни доброты, ни любви в этом союзе, как вы понимаете – нет. Здесь играет роль выгода.

Или человек нанимается на работу, он договаривается с работодателем, что согласен делать то-то и то-то за определенную плату. И произведя какую-либо продукцию, совершив какой-либо труд, он вправе требовать от другой стороны соответствующее вознаграждение.

Так вот эта правовая психология, если так можно сказать, была как-то особенно свойственна западным христианам, причем, изначально. Царство Небесное надо **заработать**, даром тебя туда никто не пустит. Кстати, так думают не только католики. И православные есть, у которых такая же самая картинка. И представление это, так сказать, в рабочем порядке, нормальное. Если этот принцип не догматизировать, относиться к нему как к приблизительной зарисовке, то ничего страшного в этом нет. Действительно, что плохого, если человек в жизни своей земной сознательно накапливает добрые дела.

Но когда произошёл разрыв, когда Западная часть Церкви оторвалась от Восточной, сдерживающий фактор Востока исчез. И что произошло? Одна из, так сказать, притч, изображающая Царство Божие, перестала быть притчей и возведена в статус истины в последней инстанции.

Католики на полном серьёзе стали рассуждать, что, дескать, вот сколько человек понес трудов и лишений ради Бога, в той же степени он может рассчитывать и на вознаграждение от Всесильного Бога.

А раз так, ставится вопрос - значит всё, что совершает человек, он делает, по сути, не из любви к Богу, не из любви к правде и добру, а из желания получить должное вознаграждение.

Простой «булыжник» стал краеугольным камнем нового здания католической сотериологии (сотериология – это учение о спасении). Фундамент заложен, а дальше – что? Давай возводить стены. Раз Царство Божие можно купить добрыми делами, значит, добрые дела являются небесно-конвертируемой валютой. За доллары в рай не пустят, а за добрые дела – пожалуйста. Но тогда возникает вопрос: а сколько стоит Царство Небесное? Сколько монет необходимо уплатить Всевышнему за Небесную обитель? И католики всерьёз принялись за бухгалтерию. В средние века этому особо много времени уделялось, хотя, окончательной точной цены установлено так и не было – не договорились. Одни считали, что вот столько сотен крупных добрых дел и столько-то тысяч мелких. Другие считали, что это много – для наследия Жизни Вечной достаточно гораздо меньше хороших поступков, третьи – наоборот, считали, что нужно о-очень большое количество добра и т.д. Но, как бы ни спорили католики между собою, все они согласились с тем, что бывает лишка. Вот у настоящих святых, наверняка, много **«сверхдолжных»** добрых дел.

Ну а поскольку святые являются членами Церкви, значит, Церковь в лице Римского папы может **распоряжаться** этими сверхзаслугами святых. Значит, грубо говоря, по распоряжению Римского папы, заслуга одного человека может быть зачтена в пользу другому. И пошло, и поехало... Молитвенная связь верующих и взаимопомощь членов Церкви превратились у католиков в совершенно механический зачёт поступков одного человека (святого) другому (грешнику).

Епитимии при исповеди утеряли свой нравственный смысл и приобрели несвойственное и нелепое значение уплаты за грехи. Что это значит, наверное, надо пояснить. Те из Вас, кто бывал на исповеди, может, знает, что иногда за тот или иной грех возлагается на человека та или иная епитимия – такое, вот, наказание. Это может быть что угодно. Какой-то особый пост, прочесть столько-то кафизм, акафистов или канонов, совершить столько-то земных поклонов. На самом деле, это очень древняя церковная практика и на Западе, и на Востоке. Но в понимании православных, епитимия –

это не кара за грехи, а такое вот наказание, в смысле наказа, научения. Епитимия на Востоке – это тот или иной комплекс духовных упражнений для **исpravления** человека. Вот если – жадный, то батюшка может дать епитимию, чтобы каждый день этот жадина выискивал бедных и подавал им милостыню. Если человек ленивый, то духовник может поручить лентяю тяжелую работу, опять-таки не для того, чтобы сделать ему жизнь невыносимой, а чтобы помочь ему преодолеть свой порок и т.д. А вот для католика епитимия – это кара. Т.е., если ты согрешил, то ты должен **искупить свой грех страданиями**. Это такое общее правило – любой грех искупается только муками. Поэтому, если ты хочешь избежать мучений за гробом, то, будь добр, давай, рассчитывайся сейчас.

Ну а коль нагрешил и не рассчитался, тогда к Вашим услугам – чистилище. Чистилище – это ад, только, такой, временный. Ты там не пожизненно, не на всю вечность, а находишься какое-то ограниченное время – страданиями искупаешь свои грехи.

Чистилище католики придумали для людей более-менее порядочных, но которых в рай не определишь – не тянут на Царство Небесное. Добрых дел маловато, а плохих – многовато. С другой стороны, и в аду с отъявленными негодьями им тоже, вроде, как делать нечего. Куда их девать? – В чистилище. Там пусть хорошенько помучаются, страданиями смоят, счистят со своей души содеянные ими грехи, а там, глядишь, потом и в рай можно переместить беднягу.

Чувствуете, такой, католический шарм справедливости, логики? В принципе, с юридической стороны – всё верно. А как по-другому? Согрешил – получи. Должно же быть возмездие? Если ты был преступником, за свои злодеяния должен получить по полной программе. Залпаты за свои грехи! Это такой последовательный юридический подход – справедливый, надо сказать.

Далее, в католической церкви появляются индульгенции – прощение грехов за деньги. Кстати сказать, с юридической стороны, тоже учение безупречное. И вправду, если для того, чтобы войти во врата Царства Небесного необходимо, скажем, 1000 добро-долларов, а святой Франциск Ассизский за свою жизнь заработал 10000 добро-долларов, в рай он, по-любому, проходит. Но ему же не надо десять раз туда проходить. И что ж тогда? Лишние добро-доллары пропадут? Ни в коем случае! Излишние добро-доллары остаются в **Церкви** и накапливаются в специальном сундуке – так называемой «сокровищнице святых».

Так вот, если этими заслугами обладает и распоряжается Церковь, то почему бы какую-то часть этих добро-долларов не обменять на доллары США? Проблема-то в чем? И выдать соответствующую бумагу, что, дескать, по благословению святого Престола, Его Святейшества Папы Римского, сему рабу Божию Джованни Санти – грешнику великому – выдается грамота сия – индульгенция, свидетельствующая о том, что за все его грехи и нравственную бездеятельность сполна уплачено Всевышнему из сокровищницы святых Вселенной Католической Церкви.

Беда в том, что во всех этих пунктах вероучения католической Церкви нет речи о **нравственном изменении** человека. Злым ты был и остался подонком, но за тебя заплачено – спи спокойно. Царство Небесное тебе обеспечено. Индульгенция на руках.

Все эти заблуждения выросли на почве правового подхода к учению о спасении.

Главная опасность правовой точки зрения для духовной жизни человека заключалась в том, что при желании человек мог ограничиться только внешним деланием; внутренняя нравственная работа как бы забывалась. На Востоке – там была другая крайность. Там, зачастую, за нравственно-аскетическими упражнениями забывали о самых простых делах милосердия. Но добрые дела – они и в Африке – добрые. Дитю было понятно, что добрые дела – это хорошо, и их творить надобно.

А вот с этими добро-долларами – намного хуже. Рядовые католики в погоне за этой небесной валютой невольно впадали в тяжкое заблуждение; тот или иной католик, бухгалтерски подходя к добрым делам, внутри часто оказывался очень плохим христианином, но был уверен, что он спасается, и в этом самообмане погибал.

На Востоке – там процветало отшельничество, пост, молитва. Там спасение представляли не как награду за добрые дела, а как результат приближения человека к Небу уже при жизни. Не без крайностей и здесь было. Однако, как мы подчеркивали с Вами, если бы Восток и Запад не порвали бы друг с другом, то, наверняка, таких жутких последствий не было бы.

Листочек передайте интересующемуся